

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 18-го января 1904 года.

Аргутъ.

Люди, которые путешествовали по Швейцарии и знакомы съ ея величественными картинами, на вопросъ, какое производитъ впечатлѣнiе Алтай въ сравненiи съ швейцарскими альпами, не рѣдко отвѣчаютъ, что Алтай вызываетъ болѣе могущественное дѣйствiе; онъ грандиознѣе. Такой отвѣтъ является неожиданнымъ. Въ действительности алтайскiя вершины уступаютъ въ высотѣ швейцарскимъ; наша Эльбруха немного ниже Монгъ-блана; кромѣ того алтайскiе великаны не поднимаются сразу надъ равниной; подошвы ихъ окружены широкимъ поясомъ предгорiй, поэтому надо бы ожидать, что алтайскiя горы не должны производить на зрителя поразжающаго впечатлѣнiя. Если вѣрить приведенному выше отзыву, то надо, значитъ, искать объясненiя его не въ высотѣ горъ, а въ какой-то другой особенностяхъ Алтая. Некоторые думаютъ, что сильное впечатлѣнiе, производимое алтайскими видами, объясняется болѣе дикостью алтайской природы, не побѣжденной еще человѣческой культурой. При отсутствii безопасныхъ дорогъ, прочныхъ мостовъ и благоустроенныхъ пристанищъ для отдыха алтайская природа чаще грозитъ опасностью туристу, чѣмъ какая-нибудь другая, поддерживая въ немъ непрерывное возбужденное нервное настроенiе. Съ этимъ соображенiемъ можно согласиться, но едва ли это все. Намъ кажется, что у Алтая есть еще одна особенность, которая не столь преходяща, какъ дѣйствительность въ смыслѣ культуры. Гдѣ въ Европѣ можно, напримѣръ, найти такое обилие мощныхъ горныхъ потоковъ? Водяная стихiя проявляетъ въ Алтаѣ такую энергiю, какой европеецъ не встрѣчаетъ ни гдѣ у себя дома.

Самая замѣчательная рѣка въ Алтаѣ по энергiи теченiя—Аргутъ. Есть потоки столь же быстрые, но они бѣднѣе водой; есть потоки съ такой же массой воды, но они спокойнѣе текутъ. Ни гдѣ въ другомъ мѣстѣ вы не встрѣтите такого соединенiя могучей массы съ такою головокружительной быстротой теченiя, и ни одна рѣка въ Алтаѣ не производитъ такого неизгладимаго впечатлѣнiя на зрителя, какъ Аргутъ.

Въ Алтай стоитъ съѣздить только за тѣмъ, чтобы посмотреть на Аргутъ, увѣряютъ видѣвшiе эту рѣку. И въ самомъ дѣлѣ можно, пожалуй, предсказать, что любители всего исключительнаго въ природѣ будутъ прѣзжать въ Алтай специально за тѣмъ, чтобы взглянуть на Аргутъ.

Когда вы приближаетесь къ Аргуту съ запада, съ вершинъ рѣки Каира, то съ высокихъ горъ, окружающихъ эти вершины, Аргутъ кажется узкой бѣлой лентой, положенной въ широкораскрытой паузѣ между двумя скатами; но когда вы съ горъ спуститесь на дно аргутской долины, вы увидите большую солидную рѣку, обращенную въ бурливый потокъ. Вы правыли такой палочливый характеръ теченiя совмѣщать только съ небольшими горными рѣчками; большiя же рѣки въ вашемъ воображенiи текли до сихъ поръ всегда важно и серьезно.

Представьте человека зрѣлаго возраста съ возмужалыми членами, который съ ипохондическимъ жаромъ и запальчивостью преслѣдуетъ свою цѣль—вотъ такое впечатлѣнiе производитъ эта рѣка. У большихъ горныхъ рѣкъ бурный или киплящій чередуется съ зеркальцами или пространствами, гдѣ вода течетъ хотя и стремительно, но безъ тревоги. У Аргута вся поверхность сплошь состоитъ изъ скачущихъ

волнъ. У прибрежныхъ скалъ высоко поднимаются отдѣльные веселки, какъ будто старающiеся достать вершину скалы. Гдѣ теченiе встрѣчаетъ наибольшее препятствiе, вода дробится въ водную пыль, наполняющую воздухъ и образующую надъ нѣкоторыми участками рѣки туманъ, замѣчательный впрочемъ только издали.

Движущаяся стихiя и особенно громъ поворачиваемыхъ въ утробѣ рѣки камней ослабляетъ ваше чувство действительности и вы пе-

Видъ Аргута съ перевала между Каиромъ и Болтуртагомъ.

Аргутъ выше р. Едыгема.

рестаете думать, что это мертвая стихiя; вамъ начинаетъ казаться, что передъ вами какое-то живое тѣло, которое надъ чѣмъ-то работаетъ, которое преслѣдуетъ какую-то благородную цѣль. Когда вы сидите на камнѣ на берегу рѣки и молча смотрите на толпу бунтующихъ волнъ и слышите бравурный ропотъ Аргута, стихiя подчиняетъ себѣ ваше мышленiе; ваши мысли принимаютъ навязанное направленiе. Вы сидите на лѣвомъ берегу рѣки; волны приближаются къ вамъ справа и убаюваютъ отъ васъ лѣво; за ними появляются новыя волны справа и также убаюваютъ надлѣво; вы провозгласите ихъ глазами; проводили одинъ рядъ, переносите глаза на слѣдующий за ними, но и эти волны увлекаютъ ваши глаза туда же, куда убаюкали преемникъ; когда вы отрываете свои глаза отъ

волны и заносите ихъ вправо, волны подхватываютъ вашъ взглядъ на лету и увлекаютъ его на лѣво каждую минуту, каждую секунду; если вы будете слѣдить за волнами, вы будете исполнять эту Сицифову работу безъ конца. Вы начинаете чувствовать себя въ мистической власти ритма; неустанная работа рѣки представляется осмысленною; вы чувствуете присутствiе какой-то, хотя и неясной, задачи. Подводный каменный скрежетъ становится громче и какъ будто приближается къ поверхности рѣки; рѣка растетъ въ вашихъ глазахъ и грозитъ наполнить долину; она наступаетъ на васъ, какъ Скандаръ на Ахилла. Вамъ кажется, что какая-то сила несетъ васъ къ рѣкѣ, что промежутокъ въ десять шаговъ, который отдѣлялъ васъ отъ рѣки, не существуетъ и что вотъ рѣка скоро подхватитъ ваше загнивающее тѣло и унесетъ. Есть алтайское преданiе, которое рассказываетъ, что одинъ шаманъ бросилъ съ камня въ Аргутъ и утонулъ въ немъ, увлекаемый можетъ быть, подобнымъ гипнозомъ. Вамъ кажется, что у рѣки есть желанiе овладѣть вашимъ тѣломъ и разломать его между камнями, какъ жертву какому-то творческому предпрiятию, надъ которымъ она работаетъ.

Васъ одолеваетъ страхъ погибнуть и въ то же время вы ставитесь своего робкаго чувства, которое заставляетъ васъ сопротивляться охватывающему васъ впечатлѣнiю. Кончается это, наконецъ, тѣмъ, что вы убаюгаете отъ рѣки, какъ ренегатъ, стыдливый своего чувства.

Два отшельника.

(Индiйская легенда *).

Былъ одинъ мудрецъ,—великiй и святой мудрецъ, котораго звали Нарادا. Онъ усовершенствовался въ знанii, и обуздаль страсти своего тѣла, и подчинилъ матерiю—духу и былъ господиномъ надъ самимъ собою. Не было для него ничего недоступнаго и могъ онъ совершить все, чего жаждалъ его духъ.

Боги, небесные боги, почитали Нараду за его святость и преклонялись передъ его мудростью.

И когда онъ хотѣлъ, онъ ходилъ на небо, и былъ тамъ съ богами, и бесѣдовалъ съ ними, какъ равный съ равными.

Съ неба возвращался онъ обратно на землю и чистый духъ его не осквернялся прикосновенiемъ земли, потому что былъ онъ выше всего того, что оскверняетъ.

Былъ Нарада одинъ и не было у него учениковъ, потому что никого болѣе не находилось среди людей, кто могъ-бы воспринять его мудрость. Но не скорбѣлъ объ этомъ Нарада, такъ какъ скорбь была недоступна его великому сердцу, и то, чего не находилъ онъ среди людей, находилъ среди боговъ.

Онъ ходилъ на небо и бесѣдовалъ съ богами и просвѣщенный божественный духъ воспринималъ его мудрость.

Однажды, по обычаю, пошелъ онъ на небо и проходить по дремучему лѣсу. Пахучiе цвѣты преклонялись передъ нимъ и могучiя деревья бросали ему подъ ноги свои листья, чтобы мягко было ступать Нарадѣ. И миръ терялъ передъ его лицомъ свою злобу и тигры ложились, какъ кошки, а змѣи выпускали свой ядъ.

* Сюжетъ этой легенды, очень характерной для всего индiйскаго мiропониманiя, заимствованъ авторомъ изъ легенды о Радха-Йога, читанiемъ индiйскимъ знатокомъ Югана-Суми, Вишванатомъ Н. С.

Проходил Нарада по лѣсной полянѣ и среди этой поляны увидѣвъ ветхого лѣтним отшельника.

Отшельникъ стоялъ, подиравъ изможденныя постомъ руки къ небу, и размышляя, — размышляя такъ долго, что муравьи взошли у его ногъ высокую кучу. Борода отшельника сплелась, какъ войлокъ, и мускулы окостенѣли, и ногти выросли въ тѣло, — а онъ стоялъ и размышлять о совершенствѣ.

И когда замѣтилъ отшельникъ проходившаго мудреца, онъ открылъ уста, запечатанная продолжительнымъ молчаньемъ, и сказалъ:

— Остановись, Нарада, остановись!

И Нарада остановился и спросилъ:

— Чего тебѣ нужно, человекъ?

Отшельникъ отвѣтилъ:

— Вотъ, столько уже времени стремлюсь я къ совершенству, что муравьиныя кучи выросли вокругъ меня. Попроси-же у боговъ, что бы они разрѣшили тебѣ открыть тайну и сказать — долго ли долженъ я еще ждать? Скоро ли я достигну совершенства?

Нарада согласился на его просьбу и пошелъ дальше, и пѣвты преклонились передъ нимъ, и деревья бросали свои листья.

И на другой полянѣ увидѣлъ мудрецъ другого отшельника, который пѣлъ священные гимны и плясалъ священные танцы и възявъ духомъ своимъ стремился къ совершенству.

Когда другой отшельникъ увидѣлъ Нараду, онъ воскликнулъ также, какъ и первый:

— Остановись!

И мудрецъ остановился, и спросилъ, что ему нужно.

Другой отшельникъ отвѣтилъ:

— Ты идешь къ богамъ, великій Нарада! Принеси же отъ нихъ ключъ къ тайнѣ, узнать которую жаждетъ мое сердце. Скажи мнѣ, когда я освобожусь, когда я достигну совершенства?

И Нарада согласился на его просьбу и пошелъ дальше, и пѣвты преклонились передъ нимъ, и деревья бросали свои листья.

Пришелъ Нарада къ богамъ и бесѣдовалъ съ ними. Когда они смягчились его мудростью, онъ попросилъ у нихъ разрѣшенія тайны, и они согласились, потому что не было ничего такого въ мѣрѣ, чего не сдѣлали-бы они для Нарады.

Пришло время Нарадѣ вернуться на землю, и онъ возвращался черезъ тотъ же лѣсъ, по которому шелъ раньше, чтобы увидѣть отшельниковъ, въ уединеннѣйшихъ къ совершенству.

И опять увидѣлъ онъ первымъ того отшельника, который стоялъ среди муравьиной кучи, воздвѣвъ руки къ небу и размышляя.

Сказалъ Нарада отшельнику:

— Я былъ у небесныхъ боговъ, и они разрѣшили мнѣ открыть тебѣ твою судьбу. Еще четыре раза воплотиться ты въ брешню мѣрѣ и тогда только будешь свободенъ, тогда только достигнешь совершенства.

Услышавъ эти слова, отшельникъ опустилъ руки, горько заплакалъ и воскликнулъ:

— Вотъ, ждалъ я такъ долго, что большія муравьиныя кучи воздвигались вокругъ меня, и еще четыре раза предстоитъ мнѣ родиться, что-бы достигнуть совершенства. Такъ долго, такъ долго!

И ушелъ отъ него Нарада, а отшельникъ все тосковалъ и плакалъ, и земныя сомнѣнія овладѣвали его духомъ.

Пришелъ Нарада ко второму отшельнику и засталъ его, какъ и раньше, пляшущимъ и поющимъ священные гимны.

Сказалъ этотъ отшельникъ, когда увидѣлъ Нараду:

— Отчего такъ печально лицо твое, великій мудрецъ, котораго почитаютъ боги? Должно быть, ты несешь мнѣ печальныя вѣсти.

И онъ пересталъ плясать и ждалъ, что отвѣтитъ Нарада.

Мудрецъ указалъ ему на большое тamarinдовое дерево, которое росло по близости — пыльное дерево, отягощенное листвою, — и сказалъ:

— Видишь ли ты это? Сколько на немъ листьевъ — столько разъ еще ты долженъ родиться

и умереть. И только тогда ты достигнешь совершенства, когда проживешь столько жизней, сколько листьевъ на тamarinдовомъ деревѣ.

Отшельникъ внимательно выслушалъ Нараду, и лицо его освѣтилось радостью.

— Такъ скоро! — воскликнулъ онъ. — О, вдвое болѣе жизни готовъ я прожить, лишь бы достигъ въ концѣ концовъ того, къ чему такъ страстно стремился моя душа.

И благословилъ его великій Нарада подиравъ самое совершенство великаго, и сказалъ:

— Хвала тебѣ, отшельникъ, потому что духъ твой благороденъ и чистъ, и ты достигнешь совершенства скорѣе, чѣмъ было записано въ книгѣ твоей судьбы. И знай, что сила духа, подобная твоей, прокладываетъ путь къ небу. Великъ тотъ, кто не останавливается ни передъ какими препятствіями, чья бодрость не слабеетъ передъ испытаніями. Великъ тотъ, кто черпаетъ свою силу въ скорбяхъ, а не въ радостяхъ, кто крѣпнѣетъ среди бури, какъ

реда гроба и вѣжныя личики, заплаканная личика дѣвчушекъ, несущихъ красивый гробъ и крышку, покрытую вѣнками. Холодно.

Только она не чувствуетъ. Холодно личико съ тонкими, точно нарисованными бровями, строго глядящее изъ дѣвчонокъ; длинные свѣтлые волосы леги на бѣлѣныя руки, на которыхъ поблескиваетъ серебристая ризка иконы.

Толпа за гробомъ. Стройно поютъ дѣвчье — цѣлый хоръ, — они закутаны въ шапки: это — учащаяся молодежь, и ихъ голоса грустно звучатъ въ морозномъ воздухѣ.

Вотъ и родные: старая высокая женщина — бабушка; отецъ, точно пришибленный страшною тяжестью, и мать, не сводившая суровыхъ странныхъ глазъ съ гроба: она не чувствуетъ мороза, она ничего не чувствуетъ, ничего не видитъ, кроетъ этого мертвого личика, и сердце ея сжимается и холодеетъ... не отъ мороза.

— „Дѣточка, холодно тебѣ будетъ!“ — проносится въ ей мозгу новая мысль, и эта мысль такъ невыносимо уясна, что стоить слетаетъ съ ея губъ и звучитъ страшно рѣзкою сердцу жалобой, покрывая гнѣвомъ хора. Холодно ей ребенку любимому въ глубокой, темной, мертвой могилѣ; холодно, страшно холодно ей дѣвчюшкѣ, и она не сможетъ спасти ее, помочь ей, вырвать ее оттуда!

Надо наглядѣться на нее тутъ, въ церкви... вотъ она лежитъ неподвижно, эта веселая дѣвочка! сколько смѣха, шутокъ и радости вносила она въ ихъ домъ, и теперь — холодная, бездыханная! Недѣля, одна недѣля болѣзни, и гнѣтъ ея, любимой! Холодъ охватилъ молодую грудь, забрался въ легкія и задушилъ, оледенилъ сердце, радостно бившееся, застудилъ уста и закрылъ глаза неподвижными вѣками!

Ясно звучатъ голоса молодежи съ клироса; низнуть головки подругъ — гимназистокъ; въ лицѣ любимицы покойной — одноклассницы Кати тоска и испугъ, свѣча дрожитъ въ ея рукахъ, свѣча, перевязанная пышной розовой лентою.. Задумалась начальница гимназии, долгимъ взглядомъ смотря на лицо усопшей; грустно звучитъ голосъ старца-протоіерея, знаваго эту дѣвчушку ребенкомъ; диаконъ, произнося актепни, смгиваетъ слезы, а молодое красивое лицо высокаго священника, сослужащаго протоіерею, полно грустной думы!

Красиво звучитъ высокой теноръ притченіи апостола о томъ, что „мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавъ, оживутъ!“ Дадутъ ли эти слова отраду сердцу матери, растонивъ-ли горячая гѣра страшный холодъ, охватившій ея сердце?

Она не слышитъ ихъ, этихъ словъ, ничего не слышитъ; она только думаетъ, „какъ холодно будетъ въ могилѣ ея ребенку“.

Прощаніе. Низко склоняется лицо старца-священника, послѣднее благословленіе шлетъ онъ бѣдному личику; и это строгое лицо, сохранившее сдѣды божьей красоты, скорбнымъ взглядомъ смотритъ на него.

Мать видитъ все; она видитъ, какъ на мигъ склоняется другой священникъ передъ ея дѣтяти, и его густые волосы покрываютъ бѣлѣныя руки усопшей, за нимъ диаконъ. Всѣ отходятъ; теперь — ея очередь: послѣдній поцѣлуй ребенку, котораго она 16 лѣтъ жаргала, лѣжала и должна отдать землѣ. И эта мысль о вѣчной разлукѣ заставила ее безумно заботиться на поддерживающихъ ее рукахъ и кричать такъ мучительно надорванными голосомъ. — Голубушка... дѣточка... родная моя, ласочка!...

Какими вѣжными словами осыпала она свое дитя, сколько ихъ рвалось изъ ея груди, трепетало въ измученномъ сердцѣ! Но бѣдное дѣвчье личико не отвѣчало на нихъ, на ея жаркіе поцѣлуи, съ которыми она принимала къ ея устамъ, рукамъ и волосамъ!

И опять этотъ путь, послѣдній путь мимо дома, мимо гимназии, по которому такъ часто ходили ноги ея ребенка...

Послѣдняя остановка передъ воротами дома, въ который никогда не войдетъ покойница; ея дождь причесаетъ во дворѣ, на улицу выходитъ дождь хозяевъ, но и въ этомъ дождѣ любилъ успошью. Маленькій мальчикъ и двѣ крошки-

Аргутъ ниже р. Куркуре.

Р. Едыгемъ.

стволь мощнаго дерева. Великъ тотъ, кто не боится долгихъ годовъ страданія, великъ тотъ, кто онъ идетъ къ небу.

Такъ сказалъ Нарада отшельнику.

Николай Степнякъ.

Были житейскія.

„Холодно“.

(Памяти Грани К.—ой).

Холодно. А солнце свѣтитъ, солнце, поздно вставшее изъ-за тумана, тусклое, зимнее солнце. Мелкія вѣтки ельника, разбрасываемая грубой рукой, крѣпко прилипаютъ къ дорожному снѣгу, точно хотятъ зарыться въ него; зябнуть закутанные люди, зябнуть факельщики въ старыхъ потертыхъ сюртукахъ, обшитыхъ позументами, медленно идущие за погребальной процессіей; зябнуть мальчикъ съ образомъ впе-

Самарово.

Село Самарово лежит на восточном берегу Иртыша, в 27 верстах от впадения его в Обь; название свое село получило по имени остатка князя Самара, который тут имлел свой городок во времена завоевания Сибири Ермаком. Вначалѣ это была ямская слобода; то есть тут были поселены ямщики, которые были обязаны повинностью возить почту, идущую из Тобольска в Березовъ и обратно. Теперь это самое населенное и самое бойкое село на протяжении между Тобольскомъ и Березовомъ. Мѣстность, на которой село расположено, можно назвать единственно живописною на всемъ пространствѣ отъ Тобольска до Томска. Тоскливые плоские, поросшіе безконечными

пароходахъ по Оби. Въ то время Самарово очутилось на большой дорогѣ и общеное его съ остальнымъ міромъ было тогда такое, какиммъ оно никогда не было ни до того періода, ни послѣ. Ученые путешественники, ѣздившіе для ученыхъ изслѣдованій на сибирскій востокъ, чиновники, отправляющіеся туда же на службу, купцы изъ восточной Сибири, ѣздящіе на Нижегородскую ярмарку и возвращающіеся съ нея, всѣ имѣли путь черезъ Самарово, всѣ на нѣскольکو часовъ останавливались на самаровской пристани. Только въ началѣ сибирской исторіи, въ эпоху путешественникъ Спаарія (1675 г.) великій сибирскій путь подобнымъ образомъ пролегалъ черезъ село Самарово.

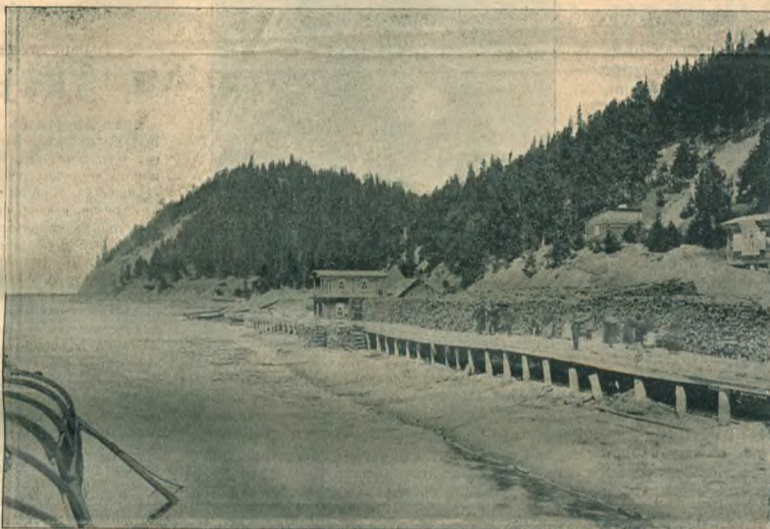
Село имѣетъ своего дѣтписца; одинъ изъ его уроженцевъ г. Лопаревъ издалъ книжку "Самарово" (Сиб., 1896 г.). Авторъ партикулярно; свою несомнѣнную любовь къ родинѣ отъ ограничилъ тѣсными рамками родного села, не развивъ ее въ любовь ко всей Сибири. Книжка содержитъ въ себѣ хроніку села, документы и личная воспоминанія автора. Въ ней тщательно перечислены путешественники, которые заѣзжали въ Самарово, и извлечено изъ ихъ дневниковъ все, что относится до села; перечень начинается съ Спаарія и Палласа и доходитъ до года изданія книги; самаровскій городокъ знаетъ изъ этой книги все, что о его селѣ было когда-то сказано Спааріемъ, Палласомъ, Кастреномъ, Поляковымъ, Финшемъ, Соме, Алькистемъ, Гааге и друг. Самолюбіе обитателей Самарова, конечно, удовлетворено этой книгой. "И наше село не лькомъ шито!"—можетъ сказать самаровскій обитатель. "Вотъ сколько о немъ написано учеными знаменитостями"! Книга вышла бы для самаровцевъ поучительно, если-бъ была изложена нѣсколько иначе, если-бъ руководящей идеей было желаніе изобразить, въ чемъ сараровская жизнь сдѣлала прогрессъ, или по крайней мѣрѣ какія измѣненія она претерпѣвала во времени. Дѣтписецъ села Самарова человекъ ученый, отъ авторъ многочисленныхъ изслѣдованій по русской древней письменности и по византовѣдѣнію, но въ книгѣ о Самаровѣ его общественные вкусы и релігіозныя понятія нисколько не поднимаются надъ вкусами и понятіями его односельчанъ. А что жизнь села измѣнялась и именно въ смыслѣ прогресса, на это есть указанія въ самой книгѣ г. Лопарева.

Въ 1839 году изъ дѣтей обывателей учились грамотѣ у мѣстныхъ грамотѣевъ всего два мальчика (стр. 53), въ концѣ 60 годовъ, когда учился самъ г. Лопаревъ, было уже училище, хотя и съ бураскими нравами и обрядами. Вотъ какъ г. Лопаревъ описываетъ эту ветхую по педагогическимъ приѣмамъ школу.

Училище помѣщалось возлѣ церкви. Это былъ маленький домикъ изъ двухъ комнатъ; въ передней стоялъ огромный ларь съ березовыми розгами. Въ другой класной комнатѣ на печкѣ почти постоянно лежалъ сѣдой старичекъ Трофимъ Яковлевичъ изъ смельныхъ солдатъ. Этотъ человекъ училъ насъ азбукѣ; азъ, буки, вѣди, глаголь... кончалъ книжку и вообще руководить нашимъ обученіемъ. Читалъ, бывало, псалтирь и произнесъ слово неправильно—тотчасъ съ печки слышится наставнической голосъ Трофима Яковлевича. Если поднимался шумъ, старикъ слагалъ съ печки и размахивалъ палкой, при чемъ книжки и чернильницы летѣли на полъ. "Во время урока Закона Божія царя мертвая тишина. Всѣ должны были собираться до прихода священника и горе тому, кто

Мостъ черезъ р. Тополевку.

Село Самарово.

и однообразными тальниками, берега, между которыми протекаютъ Иртышъ и Обь, у Самарова превращаются въ крутыя возвышенности, покрытыя хвойнымъ лѣсомъ.

Въ селѣ считается до 200 дворовъ; церкви въ селѣ каменная; есть училище, въ которомъ учится до 70 дѣтей. Жители села земледѣльемъ не занимаются; культура хлѣбныхъ вѣнзъ по Иртышу доходитъ только до села Рыболова, въ Самаровѣ же успѣваютъ только ленъ и конопля; главный промыселъ жителей Самарова рыболовство, производимое на "пескахъ", которые они разными неправдами оттягали отъ исконныхъ ихъ владѣльцевъ остяковъ.

Самымъ оживленнымъ періодомъ въ жизни села Самарова было время между эпохами открытія пассажирскаго пароходства по Оби и проведенія сибирской желѣзной дороги, когда все то, что теперь передвигается по этой дорогѣ, и грузы, и пассажиры, отправлялось на

дѣвочки прижались личиками къ холодному стеклу, на ихъ милыхъ личикахъ испугъ и жалость, и ихъ дѣтскимъ сердечкамъ холодно и страшно передъ тайной смерти... Гробъ пронести, тихо колышутся вѣтки на крышѣ. Онъ исчезаетъ за угломъ, а кудрявая головка старшаго мальчика жадно смотритъ ему вслѣдъ грустными глазами.

Другая лѣтя у крыльца гимназіи. Сотни личиковъ глядятъ въ большія окна. Давно-ли по этому крыльцу входила она, и также смотрѣли изъ оконъ ее глаза на тѣхъ, кто шелъ этой улицей?!

Задумчиво смотрятъ каменные стѣны своими окнами на эту уходящую юную жизнь.

Дальше. Какъ коротокъ этотъ длинный путь для матери! Опять эти сухіе, измученные глаза, безучастно и холодно смотрятъ; она точно окаменѣваетъ на время для новаго приступа мучительной боли.

Вотъ она—эта страшная яма, глубокая, холодная. Мать заглядываетъ туда; мерзлая земля кругомъ... Здѣсь-то положить ея ребенка. Она опять приходитъ въ сознание, она видитъ, что гробъ сейчасъ опустятъ въ могилу.

— Можно мнѣ подѣлывать ее?

Страстной горечью звучитъ голосъ матери, обратившейся съ этимъ вопросомъ къ молодому священнику: вѣдь ея дитя отнимаютъ всѣ эти люди, а онъ, грустно смотрящій на нее священникъ, только что закрылъ лицо усопшей!

— Можно ли еще разъ подѣлывать ее?

Она видитъ, что слезы набѣгаютъ ему на глаза, и онъ наклоня голову въ знакъ согласія, тихо отходить отъ края могилы. Послѣдній взглядъ, послѣдніе подѣлывы,—и стукъ молотка о крышку гроба, шумъ мерзлой, падающей на него земли, и гнѣис—все это страшнымъ гуломъ раздается въ ухахъ матери. Она рвется къ тому, что зарываютъ... крѣпкія руки держатъ ее... земля все больше и больше закрываетъ гробъ съ останками ея ребенка!..

Вотъ и яма сравнялась со снѣгомъ, и холмикъ свѣжей мерзлой земли поднялся надъ нимъ, чернѣясь среди бѣлыхъ, засыпанныхъ снѣгомъ, могилъ; на него ложатся вѣтви и весь закрываютъ своими листьями и лентами. Мать стоитъ на колѣняхъ, ноги не держатъ ее... вотъ даже земли не видно подъ лѣтвыми вѣтвями.

— Дѣточка!..

Она падаетъ на землю лицомъ въ снѣгъ, поднимается и отталкиваетъ людей, старающихся ее поднять. Землю, только землю могутъ подѣлывать ея уста. Мать опускается на могилу, раздвигаетъ вѣтви, и прикасается къ этой землѣ устами въ неизяснимой музѣ, и ея жалоба воплемъ несется по тихому кладбищу, надрывая сердца всѣмъ, кто стоитъ около ея.

— Дитя мое, дѣвочка!.. холодно тебѣ, холодно, а я не могу помочь тебѣ, взять тебя отсюда, а мнѣ невыносимо безъ тебя; мнѣ еще холодно; дитя мое неважно, холодно тебѣ, бѣдная мой!..

Холодное солнце послѣдними бликами ложится на ленты вѣтвякъ, на землю; оно съ высоты зимняго неба тоже слушаетъ эту невыразимую жалобу надорваннаго сердца!

"Холодно тебѣ, дитя мое одинокое, дорогая мой!.. холодно тебѣ!.."

А. Мирская.

опаздывает. Опоздавшего драли за уши и давали удары мощною рукою. Такъ, бывало, дунуть тебя, что прямо летитъ подъ стѣло. Лытная разлагали у печи и одинъ или двое, смотря по вѣтѣ, съ двухъ сторонъ пороли розгами тутъ же, на глазахъ у всѣхъ. Драли за всякую мелочь: сломаешь ли грифель—поротъ, разобьешь ли стекло—дратъ, не приготовишь урока—порка, опоздалъ—заушеникъ, не правильно сложишь писчую бумагу, такъ что фабричное клеймо оказалось внизу—на котлинъ».

—Такъ было до 70-хъ годовъ. Въ этихъ годахъ повѣяло новымъ духомъ. Въ Самаровъ прибыла учительница Марья Александровна Федорова, которая учила насъ уже не азъ, буки, вѣди, а: а, бѣ, вѣ; учила насъ не часослову и псалтыри, а «Родному Слову» Ушинскаго, грамматикѣ, заучиванію наизусть стихотвореній, писму, арифметикѣ и черчению географическихъ картъ. Трофима Яковлевича не стало; о. Несторъ сталъ выгнать, розги исчезли изъ ларца».

—Это, конечно, самый свѣтлый эпизодъ въ жизни села Самарова. Истинина, можетъ быть молоденькая дѣвушка, только что кончившая гимназій, глѣ-то тамъ, во глубинѣ Россіи», въ самаровской глуши, съ книжкою Ушинскаго, этия свангеліемъ русской педагогини, въ рукахъ провозидать реформу въ сельской школѣ, вносить свѣтъ въ самаровскую среду. Сколько было совершенно подобными благородными новаторами частныхъ маленькиихъ переворотовъ въ многочисленныхъ глухихъ углахъ русской земли, переворотовъ, поднимающихъ чувство человѣческаго достоинства въ огрубѣлой сельской средѣ. Будущій историкъ просвѣщенія въ Сибири съ благодарностию къ авторамъ подобныхъ воспоминаній подберетъ извѣстія о фактахъ этого благотворнаго перерожденія старой сибирской народной школы.

—Нѣкоторымъ лицамъ изъ населенія Самарова удалось выйти изъ рамокъ сельской жизни и сдѣлать даже ученую карьеру. Сытъ самаровскаго куцаа г. Шейвинъ занимаетъ въ настоящее время кафедру полицейскаго права въ одескомъ университетѣ; сытъ самаровскаго крестьянина г. Лопаревъ, авторъ книги о селѣ Самаровѣ, извѣстенъ, какъ византиистъ и плодотворный авторъ статей по исторіи древней русской письменности. Къ ряду выдающихся самаровцевъ слѣдуетъ присоединить еще Вас. Троф. Земцова, переселенца изъ рязанской губерніи, мѣстнаго общественаго дѣятеля, который оставилъ по себѣ въ мѣстномъ населеніи добрую память, какъ другъ просвѣщенія. П.

Отзывы о сибирякѣ въ русской литературѣ.

Въ рождественскомъ приложеніи къ «Сиб. Ж.» помѣщенъ снимокъ съ картины г-жи Л. П. Базановой «Сибирскій крестьянинъ»; редакция имѣла намѣреніе обставить его полюбозными текстами, а именно присоединить къ нему статью «Сибирякъ въ характеристикѣ Н. М. Ядринцева» и кромѣ того въ другой статьѣ дать обзоръ характеристикъ сибирскаго крестьянина, которая появилась въ литературѣ, но въ силу обстоятельствъ, вложеніе которыхъ для читателей не представляетъ никакого интереса, картина г-жи Базановой появилась въ одномъ изъ приложеній прошлаго года безъ сопутствующихъ текстовъ; статья Ядринцева помѣщена во II приложеніи текущаго года, а обзоръ характеристики пришлось дать не ранѣе, какъ только въ этомъ, III-мъ *).

Не считая того, что было писано на эту тему Щаповымъ и Ядринцевымъ, въ литературѣ насчитывается три характеристики сибирскаго населенія. Самая первая была сдѣлана Благовѣщенскимъ; статья была помѣщена въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1882 г. и называется «Записки о Сибири». Статья написана въ очень нервномъ тонѣ; статья въ высшей степени несправедливая и пристрастная. Факты представляемы въ ложномъ освѣщеніи, лжеисвидѣтельству дана полная вѣра. Въ русской литературѣ ни до того времени, ни послѣ не появлялось статьи, въ которой былъ бы такъ ошелмляющъ сибирскій народный характеръ.

«Сибирское населеніе,—говоритъ Благовѣщенскій,—слишкомъ часто, если не вообще—тупое и озлобленное: «Видитъ другъ друга и тѣмъ сыты бываютъ». Это одинаково какъ въ свѣтломъ, такъ и въ духовномъ званіи... Самое пріятное дѣло—это сокращать азѣзжаго человѣка, или какъ здѣсь говорится «россійскаго» (расейскаго?)».

Въ другомъ мѣстѣ авторъ цитируетъ чьи-то чужіе слова: «Къ шести этимъ гадовъ (комаровъ) нужно сказать, что они вполне гармонируютъ съ мѣстнымъ населеніемъ—чрезвычайно изобильны, ядовиты и самымъ нахальнымъ образомъ высасываютъ кровь, и за тѣмъ отъ себя прибавляютъ: «Увеличить этотъ притворъ на нѣсколько градуусовъ и получить восточная Сибири, гдѣ отъ Иркутска до Благовѣщенска только и видишь, что «ламенные души» и «вѣе степени злодѣйства». Здѣсь, одно спасеніе собаки. Затѣмъ—безчисленное множество заноровъ, зарыженныхъ рукавъ и револьверы; домъ, кругомъ замкнутый на ночь желѣзными болтами, словно это не жилище мирнаго человѣка, а казематъ, но и тутъ домашніе воры по ночамъ пробурлаиваютъ стѣны и воротомъ держатъ населеніе въ вѣчномъ страхѣ. По ночамъ, когда все спитъ, хоть раскричись о помощи—никто и ни за что не выдѣлеть на улицу... Наступила осень, все поспѣло, и начинается повальное, сплошное обворовываніе огородовъ. Мало того, что украдутъ изъ огородовъ все съдобное—на смѣхъ еще, у какой пшуды несчастнаго старухи повывериваютъ капусту и развѣсятъ ее по тыну. Спрашивается, что къ этому побуждаетъ? Да привычка къ злобѣ,—и обыкновенно подобная гадость возбуждаетъ не преслѣдованіе виновныхъ, а всеобщее злоурядство. Здѣсь всѣ рады несчастію ближняго и только и глядятъ по окнамъ,

Сибирскій крестьянинъ.

(Картина Л. П. Базановой).

чтобы поживится. Чтобы здѣсь кто-нибудь оказалъ безкорыстно, безъ лицемерія, какую-нибудь услугу или, по крайней мѣрѣ, на сдѣланный ему вопросъ далъ бы советъ, этого не дожидается во вѣки.

Передавъ рядъ разсказовъ о томъ, какъ злые сибиряки убивали бродягъ ради промисла, Благовѣщенскій говоритъ: «Но не изумляйтесь, когда сибирякъ просто любитъ заниматься такими дѣлами, ибо не далеко ушло и остальное сибирское общество. Было время, когда въ Сибирь явилась обширная семья декабристовъ и сибирское общество отнеслось къ нимъ съ крайнимъ недоброжелательствомъ—оно оскорблено и терзало ихъ, сколько могло и точно также ругалось надъ политическими ссыльными XVIII вѣка и новѣйшихъ временъ».

Только старовѣры, извѣстные въ Забайкальи подъ именемъ «семейскихъ», заслужили симпатіи этого писателя. «Семейская община,—пишетъ онъ,—крѣпка остатками кореннаго народнаго обычая права, почти забытаго у сибиряковъ. «Семья» остается крѣпкимъ союзомъ родичей и не разрушена, какъ у всего сибирскаго населенія; по этому старовѣры никогда не смѣшались ни съ иеродами, ни съ каторжниками».

«Сибиряки давно уже начали періодъ своего вырожденія». Типъ сибирской женщины,—утверждаетъ авторъ,—распадается на два: одинъ типъ русской, другой черта Русія женщины сохранила русскія черты лица; «онѣ гораздо дѣлательнѣе, умнѣе, приличнѣе». По большинство сибирскихъ женщинъ «чистокровныя сибирячки, кармыки—злы, мстительны, коварны». Кончая характеристику сибирячки, злобствующей публицистѣ доходить до «геркулесовыхъ столбовъ». «Сибирячка тупа, непріятна и дѣсна до крайности и вмѣстѣ страшно нахальна. Родителя у нея ребенокъ, и мать, отъ нечего дѣлать, начи-

наетъ тиранитъ его, то ежеминутно трясетъ его въ качалкѣ, то болтаетъ съ нимъ, драяна, зацѣпляющая его, будто бы отъ любви, словомъ не давая ему ни минуты покоя, пока иной разъ не замучитъ его до смерти».

«Сибирское населеніе по современной справедливости, рѣзко отличаетъ себя, какъ отъ «семейскихъ», такъ и отъ «русскихъ»; по здѣшнему «россійскимъ», которыхъ оно по своей дикости, терпѣть не можетъ... Сибирячки, подобно дикарямъ, вѣчно жуютъ смолку отъ ливенницы, такъ называемую «сырку».

Изъ этихъ извлеченій видно, какъ неразборчиво авторъ сибиряковъ обращается съ своими данными. Сибирскій читатель знаетъ хорошо, какіе общественные элементы вызываютъ описаніе авторомъ безаидное положеніе, заноры, болты, зарыженныхъ рукавъ и револьверы. Въ оправданіе автора можно, впрочемъ, сказать, что когда онъ писалъ, только что начинало выясняться значеніе ссыльныхъ элементовъ для Сибири. Едва ли справедливо нареканіе автора на сибирское общество за недоброжелательный пріемъ декабристовъ; не будемъ оспаривать, что это было, но слѣдовало бы хорошо знать составъ того общества, о которомъ говоритъ авторъ, состояло ли оно исключительно изъ сибиряковъ или значительную часть его составляли прѣзбіе—какъ это всегда было въ Сибири, разувая тутъ не низшіе классы населенія, а чиновниковъ и купцовъ. До какой степени неосторожно сибиряковъ размахиваетъ своимъ публицистическимъ мечомъ, показываетъ эта фраза: «Кровожадность сибиряковъ доходила до того, что иркутскій губернаторъ Рунбергъ велѣлъ заговорить на смерть тринадцать такихъ охотниковъ за горбачами (т. е. за бродягами)». Обвиненіе, конечно, нужно тутъ переставить. Коваріе всего для ненавистника Сибири было то, что часть своихъ данныхъ онъ бралъ изъ газеты «Сибирь», которую издавали и редакторы всегда сибиряки, и у Ядринцева, предполагага, что статьи, которыми онъ пользовался, писались такими же зѣзжыми людьми, такими же ненавистниками Сибири, какъ и онъ самъ, и не подозревалъ, что Ядринцевъ и редакторы «Сибирь» были мѣстные сибирские патриоты. Г. П.

(Продолженіе статьи).

Къ рисункамъ

Видъ Аргута съ перевала между Каиромъ и Болтуртагомъ. Аргутъ притокъ Катуня у устья, гдѣ онъ течетъ въ тѣснинѣ, онъ недоступенъ. Коку нужно пересѣчь его съ запада на востокъ, «вдуть» сначала къ вершинѣ р. Каира, который впадаетъ въ Аргутъ слѣва; спустившись въ долину Каира, переходя въ него въ бродъ съ лѣваго берега на правый и поднимаются на высокой хребтѣ, отдѣляющей Каиръ отъ р. Болтуртага, другого притока Аргута. Съ высокаго перевала черезъ этотъ хребтѣ видна долина Аргута, рѣка представляется облой неподвижной чертой; съ этихъ высотъ человѣческой глазъ не подозрѣваетъ плоска волни; нѣтъ ни малѣйшаго намѣка на титаническую работу на днѣ долины. По Болтуртуга дорога спускается къ берегамъ Аргута. У В. В. Спозоникова въ его книгѣ «Катунь» (Томскъ, 1901) Аргутъ описанъ на стр. 13. Вотъ строки, которыми алтайскій альпинистъ описываетъ видъ на долину Аргута съ Болтуртагскаго перевала. «Отсюда (т. е. съ сѣла перевала) положительно слѣдуетъ подняться на гравы, чтобы взглянуть сверху на «Аргутскую пропасть». Со стороны сѣла подъемъ ничтоженъ и отлогий, но лишь въ подходе къ краю, какъ подъ вашими ногами открывается потрясающая картина. Крутой обрывъ съ обнаженными скалами падаетъ въ узкую глубину долины, откуда доносится ворчаніе глызанъ Аргута, текущаго среди выжженной солнцемъ прибрежной полосы. Съ другой стороны поднимаются еще болѣе крутыя и высокой скалы, и на всемъ лезитъ мрачный колоритъ красныхъ и темнокоричневыхъ тоновъ».

Аргутъ выше р. Едыгема. Въ Аргутѣ впадаютъ слѣва, считая отъ устья къ его вершинѣ, Каиръ, Едыгемъ и Куркуре, справа Тополева. Видъ снятъ на мѣстѣ выше Едыгема.

Аргутъ ниже р. Куркуре. Предвидицій и этия видъ оба сняты въ мѣстности между р. Едыгемомъ и Куркуре, но предвидицій ближе къ Едыгему, а этотъ ближе къ Куркуре.

Р. Едыгемъ. Самый мощный притокъ Аргута. Мостъ черезъ р. Тополеву. По этому рисунку читатель можетъ составить себѣ представленіе о мостахъ черезъ горныя рѣки въ Алтай; только алтайская горная лошадь осмѣливается прыскать въ путь черезъ такую барикаду; но и ей, опытной, приходится каждый шагъ обдумывать, что она дѣлаетъ, склонивъ голову къ самой мостовой; нужно occupying копитомъ каждое бревно или каждый камень прежде, чѣмъ доверится ему.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Царская типо-литографія П. И. Макушина.

* Такъ какъ новое поданіе не будетъ имѣть приложенія на прошлаго года, то мы сами должны отплатить для нихъ картинъ г-жи Базановой во второй разъ.